

С. Я. Козлов

ЗАГАДКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРОДА ФУЛЬБЕ

Биография любого человека начинается обычно с того, что сообщает, в каком году и в какой местности родился, т. е. начал свой жизненный путь этот человек. За редкими исключениями установить эти простые факты бывает довольно легко.

Биография народа — его история — пишется наукой. Точнее, учеными. И — почти всегда — труднее всего даются ученым именно первые строки, первые страницы этой биографии. И это понятно. Ведь они, как правило, относятся к тем отдаленным периодам, от которых до нас дошло очень немного свидетельств, к тому же, в большинстве своем, «немых»: письменные документы появляются сравнительно поздно, а история почти всех современных народов уходит своими корнями в глубины минувших тысячелетий. Вот почему вопросы происхождения народов, восстановление ранних этапов их этнической истории (как и их истории вообще) относятся к наиболее сложным историко-этнографическим проблемам.

И если бы потребовались доказательства этого тезиса, то трудно было бы, вероятно, найти пример более яркий, чем загадка происхождения фульбе.

Фульбе — один из больших африканских народов (более 7 млн. человек). Расселены они по всей территории Западного и частично Центрального Судана, входя в состав населения полутора десятка стран. Само название фульбе — пул-о (ед. число) фул'-бе (множ. число) — означает на их языке «рассеянные, распыленные» (толкование крупных специалистов по этнографии и истории Судана А. Гадена и М. Делатосса). В наше время большая часть фульбе ведет оседлый образ жизни и земледелие играет важную роль в их хозяйстве; но их традиционное, «исконное» занятие — это скотоводство, кочевое и отгонное. Фульбе разводят различные породы зебу, а на горных плато Фута-Джаллон и Фута-Торо — безгорбых быков.

Среди земледельческих негроидных народов Судана скотоводы-фульбе выделяются не только характером хозяйства, но и своим физическим обликом. Небольшая удлинённая голова, узкое овальное лицо без prognathism, тонкие губы, прямой или слегка изогнутый тонкий нос, большие глаза, длинные волнистые волосы, желтый с красноватым оттенком цвет кожи, стройное сухощавое тело — таковы характерные черты фульбе. Здесь же, однако, следует оговориться: в наши дни редко встретишь мужчину или женщину фульбе, вполне отвечающих нарисованному

только что антропологическому портрету. В течение веков происходило смешение фульбе с негрскими народами; физические черты «истинного» фульбе сохранили лишь небольшие группы кочевников.

Своеобразие антропологического типа, пастушеский быт фульбе навел уже первых наблюдателей, путешественников и исследователей на мысль, что фульбе — народ пришлый в Западном Судане. Поисками их прародины, вопросами происхождения фульбе занимались и занимаются многие десятки исследователей вот уже более ста лет; пожалуй, ни об одном африканском народе не высказано столько противоречивых мнений, как о фульбе. Однако и сегодня ученые не пришли к какому-нибудь удовлетворительному итогу. Происхождение фульбе, «подобно происхождению Вселенной, остается неизвестным», констатировал английский ученый М. Джефри в 1947 г. И вышедший в 1963 г. советский энциклопедический справочник «Африка» смог лишь повторить, что происхождение фульбе «до сих пор представляет собой загадку».

Рис. 1. Скульптурное изображение «истинного» типа мужчины фульбе (А. Fiedler, Nowa przysto- goda: Gwinea, Warszawa, 1962)

В разное время фульбе объявлялись потомками цыган, израильтян, пелазгов, римских легионеров, родственниками вьетнамцев, бретонцев, персов, выходцами из Индии, Южной Африки и даже из малайско-полинезийского мира. Все эти гипотезы свидетельствовали, главным образом, лишь о богатой фантазии их авторов.

Другие теории представлялись более или менее правдоподобными. Такова, например, мысль о семитическом (нудейско-сирийском) происхождении фульбе, которую развивал в начале нашего века М. Деллафосс. Он отождествил с фульбе (точнее, с предками современных фульбе) неоднократно упоминаемый в Библии народ фут (фул); футы эти будто бы участвовали в нашествии гиксоссов на Египет, позднее переселились в Киренаику, слились с евреями, изгнанными из Египта в IV в. до н. э.; в дальнейшем, уже в первых веках н. э., они перекочевали частично в пределы современного Марокко, частично — в Мавританию, где основали государство Гану. Вытесненные из Ганы племенами сонинке, фульбе передвинулись на земли волофов и серер, у которых и заимствовали свой нынешний язык. Оттуда уже происходило расселение фульбе по Судану.

Теория Деллафосса была весьма популярна среди европейских африканистов; однако позднейшие исследования выявили ее полную необоснованность. Л. Токсье прямо указал, что семитическая теория не имеет под собой решительно никаких достоверных исторических фактов.

Большим влиянием в кругах зарубежных африканистов пользовалась (впрочем, с рецидивами ее приходится сталкиваться и сегодня) так называемая «хамитская» теория, основная идея которой заключается в том,

что пришедшие из Азии «светлокожие хамиты» (представителями которых К. Мейнхоф считал фульбе) сыграли определяющую роль в развитии государственности и культуры африканских народов. Однако работы целого ряда лингвистов, историков и этнографов подорвали основы этой теории.

Некоторые ученые говорят о ливийском (берберском) или арабо-берберском происхождении фульбе; другие считают их метисами берберов с неграми. Однако приводимые в пользу этих идей аргументы малочисленны и весьма неубедительны.

Большинство специалистов относят фульбе к эфиопскому расовому типу и считают их выходцами из Северо-Восточной Африки. Еще Мольен (1818 г.) отметил сходство фульбе с барабра Нубии. После него целый ряд исследователей, в том числе Барт, Геккель, Верно, Зелигман, Токсье, Бауман, Вестерман высказывались в пользу эфиопского происхождения фульбе.

К аргументации сторонников эфиопской теории мы обратимся несколько позже¹. Сейчас же хочется остановиться еще на одной «теории» — сенегальского историка и социолога Ш. А. Диопа.

Этот автор доказывает, что колыбелью всех негроафриканских цивилизаций, народов и языков был Древний Египет. Египетское происхождение фульбе обосновывается таким «капитальным», по мнению Диопа, фактом, как совпадение двух тотемических имен, характерных для фульбе (КА и БА), с двумя аналогичными древнеегипетскими терминами. Д. А. Ольдерогге в связи с подобными сопоставлениями, которые пытался уже делать английский ученый Мик, показал, что «с точки зрения языкознания такое сопоставление явно невозможно, так как древнеегипетское слово содержит два радикала — *каф* и *алеф* и произношение древнеегипетского слова «КА» чисто условно»². Точно так же не выдерживают научной критики рассуждения Диопа о том, что, возможно, фульбе составляли часть племен, из которых выходили фараоны, его попытки представить негроидным все население Древнего Египта, и в соответствии с этой посылкой изобразить древних фульбе также «неграми», которые позднее «посветлели» вследствие метисации с пришлыми «белыми» племенами, и т. п.³

Итак, в настоящее время можно констатировать научную несостоятельность почти всех существовавших гипотез и теорий относительно происхождения фульбе. И дело не только в том, что имеющийся в распоряжении исследователей фактический материал явно недостаточен, но и в узости, одноплановости подхода к проблеме этногенетических исследований. Бросается в глаза односторонность аргументации названных нами авторов: ими привлекались либо лингвистические данные, либо антропологические, либо данные топонимики, подкрепленные чаще всего принимаемыми на веру этногоническими легендами. Задача выяснения древнейших исторических корней народа фульбе, его этнических истоков подменялась поисками или их прародины, или их древних предков (например, попытка отождествить фульбе с библейскими футами), или чисто лингвистическими изысканиями.

Советские ученые многочисленными работами доказали изначальную сложность этнических истоков современных народов. По-видимому, лишь

¹ Характеристику различных теорий происхождения фульбе см. в работах: Д. А. Ольдерогге, Западный Судан в XV—XIX вв., М., 1960; L. T a u x i e r, Moeurs et histoire des peuls, Paris, 1937.

² Д. А. Ольдерогге, Указ. раб., стр. 15, прим. 5.

³ Cheikh Anta Diop, Nations nègres et culture, Paris, 1955, стр. 238—239.

на основе этой концепции может быть в конце концов разгадана и тайна происхождения фульбе. Иными словами, задача заключается в том, чтобы установить ту территориальную и этно-лингвистическую общность, в рамках которой начался процесс становления фульбе как народа, и, далее, — воссоздать историю формирования тех особенностей духовной и материальной культуры, которые составляют характерный облик этого народа.

Как решить эту задачу? Конечно, нужны новые факты. Но надо также критически пересмотреть и оценить тот арсенал фактов, который имеется в наличии. И, наконец, нужна, как говорится, свежая мысль, новая рабочая гипотеза. Далее будут изложены некоторые соображения, которые, как нам кажется, могут способствовать дальнейшему обсуждению проблемы.

Все ученые, занимавшиеся проблемой происхождения фульбе, согласны в том, что фульбе — не автохтоны той территории, на которой сейчас они проживают. Известна область, из которой расселялись фульбе по Западному Судану — это южная Мавритания — Фута-Торо (Сенегал). Но где, в какой этнической среде начался процесс формирования фульбе? Каковы пути миграций фульбе, приведшие их в Мавританию, какой они заняли исторический отрезок времени? Как повлияли эти миграции на язык, культурный и физический облик народа? Какие изменения в этом плане произошли в дальнейшем, в период расселения по Судану? Вот вопросы, стоящие перед исследователем.

К сожалению, этнографическая литература о фульбе, весьма большая и разнообразная, пока что мало может помочь нам в решении стоящей задачи. Из всех видов собственно этнографических источников известный интерес для нас имеют лишь этногонимические легенды фульбе. Почти все они были составлены в эпоху исламизации фульбе; этим и объясняется их содержание: подавляющее большинство легенд представляет фульбе потомками пророка, арабами, пришедшими в Судан, чтобы обратить в истинную веру язычников — негров. Здесь они женились на негритянках; так образовался новый народ — фульбе. Некоторые легенды говорят о чисто арабском происхождении фульбе, отдельные — о еврейском или смешанном арабо-еврейском происхождении. Научного значения они не имеют: слишком очевидна их политическая подоплека. Определенную ценность имеют лишь содержащиеся в них сведения о приходе фульбе в страну серер с севера; это подтверждается и другими данными. Таким образом, сообщения самих фульбе о своем происхождении дают нам очень немного.

Чем может помочь нам антропология?

Интересные опыты по сравнительному биохимическому обследованию представителей различных расовых групп (французы, фульбе, представители негроидной расы — волофы, сереры, бамбара, моси, тукулеры) провела в начале 1950-х гг. французский антрополог Ж. Лески. Ею установлено, что в организме негроидов (в различных его жидкостях и тканях) содержится хлора и натрия меньше, а калия и меди больше, чем у европеоидов — французов. Разница в содержании этих элементов определяет интенсивность пигментации, так как они играют решающую роль в меланогенезе. Количество же вещества соответствующих элементов, содержащегося в организме, зависит в значительной степени от функционирования надпочечников; у негроидов размеры и вес надпочечников меньше (за счет коркового вещества), чем у европеоидов⁴. Для

⁴ J. Leschi, Pigmentation et fonctionnement cortico-surrénalien. Races mélanodermes et leucodermes, Paris, 1952, стр. 54—57, 71—75.

нас особенно важно, что содержание указанных элементов в организме фульбе дает цифры, заметно отличающиеся от величин, найденных для негроидов; наоборот, они весьма близки к соответствующим цифрам, найденным для европеоидов. Это можно рассматривать как одно из свидетельств генетической связи фульбе с европеоидной расой. Тот же факт, что многовековое проживание фульбе в тропическом климате, в общих с негроидами природных условиях не отразилось на биохимическом составе их организма, свидетельствует о том, что расовый тип, к которому они принадлежат, сформировался очень давно, когда функции надпочечников еще имели приспособительный характер.

Что касается выводов некоторых ученых, относящих фульбе к эфиопской расе, то они представляются нам слишком прямолинейными и, во всяком случае, несколько поспешными. Например, различные измерения дают для фульбе величины черепного указателя, колеблющуюся от 73,2 до 74,3; у беджа, с которыми сближает фульбе Шантр, она равняется в среднем 77. Величина носового указателя у фульбе колеблется от 75,4 до 100; у народов эфиопской расы она варьирует от 69 до 76, в среднем (у амхара — от 60,37 до 95); у негроидных народов — от 90 до 100 (в среднем). Ширина носа у фульбе — 38—50; для эфиопоидов характерны цифры 35—37⁵. Мы видим значительное расхождение в целом ряде характеристик; такие же различия имеются и во всех остальных сравниваемых величинах. Следует учесть, что обмерам были подвергнуты небольшие группы индивидов, в разных странах, зачастую по различной методике. Для каких-либо серьезных выводов полученные цифры оснований не дают, кроме, пожалуй, одного: в настоящее время не существует единого расового типа фульбе. Фульбе из Масины отличается от фульбе из Верхней Вольты не меньше, чем негроид-малинке от негроида-моси. Одна из главных причин этого — смешение фульбе с различными негроидными народами, среди которых они живут.

Обратимся теперь к помощи лингвистики. К настоящему времени язык фульбе изучен сравнительно неплохо как с точки зрения его грамматической структуры, так и словаря. Исследователи отмечают тот интересный факт, что несмотря на обширность территории, на которой расселены фульбе, единство их языка сохраняется в очень высокой степени.

Рис. 2. Мужчины фульбе (Гвинейская Республика) в праздничной одежде (L. Zareba, Wedrówki po Gwinei, Warszawa, 1961)

⁵ P. Verneau, Les migrations des ethiopiens, «L'Anthropologie», t. X, № 16, Paris, 1899, стр. 641—662; его же, Résultats anthropologiques de la mission de M. de Gironcourt en Afrique Occidentale, «L'Anthropologie», t. XXVIII, № 4—5, Paris, 1917; E. Chantre, Contribution à l'étude des races humaines du Soudan Occidental, Lyon, 1918; L. Tauchner, Указ. паб., стр. 18—26; E. Pittard, Contribution à l'étude anthropologique des peuls, XV-e Congrès International d'anthropologie et archéologie préhistorique, Paris, 1933. стр. 19—25.

Пастух из Багирми без труда понимает обитателя Фута-Торо или Фута-Джаллона. Имеются, конечно, определенные различия в фонетике и словарном составе отдельных групп фульбе. Они отражают влияние языков тех народов, среди которых живут фульбе в разных странах Африки, а также арабской культуры. Изучение их может дать много интересных материалов не только лингвисту, но и исследователю этнической истории фульбе.

Долгое время дискутировался вопрос о месте языка фульбе в лингвистической классификации. Немецкий лингвист Мюллер сближал язык фульбе с языком нубийцев Кордофана (1868 г.). Его соотечественник

Кюст даже выделил отдельную группу языков нуба-фуль (1883 г.). Спустя полвека пыталась установить связь языка фульбе с нилотскими (в частности, с языком масаи) французская лингвистка Л. Омбюрже, которая впоследствии создала теорию древнеегипетского, а затем древнеиндийского происхождения африканских языков.

В отличие от этих параллелей, сторонниками которых, кроме их авторов, мало кто был, теория Мейнхофа получила весьма широкое распространение. Он обнаружил в языке фульбе следы некоего «прахамитского» языка, от смешения которого с суданскими языками образовались будто бы языки банту.

Лингвистические построения Мейнхофа не выдержали испытания временем. Первый серьезный удар по ним нанес его ученик А. Клингенхейб, доказавший, что в грамматической структуре многих языков Судана (языки группы моси-груси) есть черты, которые характерны были некогда для языка фульбе (классы имен существительных

Рис. 3. Девушка фульбе наших дней (L. Zareda, Wedrówki po Gwinei, Warszawa, 1961)

с показателями в начале и в конце слова); другая черта, прежде считавшаяся достоянием исключительно языка фульбе, а именно — изменение начальных звуков при образовании множественного числа, оказалась присущей языку типично суданского народа биафада. Дальнейшие исследования установили тесную связь языка фульбе с языками атлантической группы, в которую входят языки серер, волоф, биафада и др., в частности, с языком серер. Эти наблюдения подтвердили Вестерман, Лабуре, Гринберг.

Встал вопрос: как объяснить такую близость грамматики и словаря языков столь разных народов — серер, негроидов, древних жителей Судана, и фульбе, явных пришельцев? Весьма логичным кажется ответ, что фульбе заимствовали свой нынешний язык у серер. Именно таким представляется язык фульбе крупному его знатоку и исследователю Лабуре, который констатировал в 1954 г., что никаких следов их прежнего языка до сих пор не обнаружено⁶.

⁶ См.: T. Engeström, Apport à la théorie des origines du peuple et de la langue peule, Stockholm, 1954, стр. 7 (см. здесь краткий обзор работ по языку фульбе).

Думается, однако, что возможен и другой подход к вопросу. Действительно, примеров потери языка целыми народами в истории множество. Однако фульбе по численности намного превосходят серер (тем более, если учесть, что указываемое близкое родство языков фульбе и серер относится только к одному из диалектов последнего, а именно — к языку группы сереры-син); о политическом господстве небольшого земледельческого племени серер над кочевниками-фульбе нам ничего не известно и можно сомневаться, чтобы оно когда-либо имело место. Что же заставило фульбе утратить свой язык и перейти на язык серер? При этом утратить в такой степени за 10—12 веков, что и следов их прежнего языка не осталось (романизация Галлии началась в первые века н. э., однако в словарном составе современного французского языка есть несколько сотен кельтских слов; подобные примеры можно было бы умножить).

Фр. Мюллер в 80-х гг. прошлого столетия предположил, что, может быть, сереры — это часть народа фульбе, которая рано отделилась от него и благодаря смешению с волофами утратила свойственные фульбе физические черты, но сохранила язык; или же сереры — негрское племя, которое некогда усвоило язык, родственный фульбе. Делафоссу более привлекательной казалась гипотеза, согласно которой Текрур в VIII в. населял народ, впоследствии распавшийся, язык которого лежит в основе как языка фульбе, так и языка серер. Однако никаких сколько-нибудь серьезных аргументов в пользу этих гипотез приведено не было.

Крупный вклад в решение проблемы сделал американский лингвист Дж. Гринберг. Он показал, что между языками серер и фульбе существует генетическая связь. «Такие элементы, как изменение начальных согласных или в целом система словообразовательных аффиксов в глагольных формах, не заимствуются», — отмечает Гринберг. Точно так же нельзя объяснить простым заимствованием совпадение отдельных терминов в обоих языках, примеры которых приводит ученый⁷.

Имели ли фульбе когда-нибудь язык, отличный от своего нынешнего? Смело можно сказать не очень обязывающее «может быть». Но ведь то же самое можно заявить, пожалуй, о любом другом народе мира. Что же заставило предположить утрату ими своего языка и заимствование нового? Очевидно, как мы уже говорили, то, что фульбе в Судане народ пришлый и — в отличие от всех других народов с грамматической структурой языка, сходной со структурой их языка, — не негроиды. Но ведь есть немало примеров того, что народы, относящиеся к одной и той же языковой общности, представляют собой различные расовые типы. На языках семито-хамитской семьи говорят европеиды (семиты), негроиды (народы группы хауса), представители эфиопской расы (кушиты); на языках тюркской группы говорят европеиды (азербайджанцы, турки и др.) и монголоиды (киргизы, казахи и др., вплоть до якутов на северо-востоке Сибири); можно привести и другие примеры. Во всяком случае, нет никаких доказательств того, что фульбе утратили свой язык; в то же время имеются весьма интересные и, на наш взгляд, убедительные соображения о генетическом родстве языка фульбе и других языков атлантической группы.

Вышесказанному, на первый взгляд, противоречат наблюдения над языком фульбе, сделанные шведским лингвистом-любителем Т. Энгстромом. Он обнаружил в этом языке целый ряд слов семитического (предположительно) происхождения. Так, на языке древних вавилонян

⁷ J. Greenberg. Etude sur la classification des langues africaines, «Bulletin de l'IFAN», ser. B, vol. XVI, № 1—2, 1954, стр. 110, 112.

распространенное в Северной Африке и в Передней Азии дерево *Acacia albida* называлось «šašku», на языке фульбе оно называется «chaski, taski»; глагол «охотиться» звучит на тех же языках соответственно «gadi redu» и «gàda, rido, raddo»; крупный рогатый скот на языке фульбе называется «pagge», в семитских языках Эфиопии есть соответствующее этому термину слово «pagu»⁸ (добавим, что этому термину есть соответствие и в древнеегипетском словаре — слова «peg, pega»).
 Что это может значить? Не аргумент ли это в пользу иудейской теории Делафосса? Думается, что нет; все представляется нам гораздо сложнее.

Работы Д. Верстермана показали, что существует довольно тесная генетическая связь между языками банту, языками западнобантоидной (атлантической) группы, группы гур, языками Кордофана и еще целым рядом суданских языков. Его выводы были подтверждены многими лингвистами; сейчас они общепризнаны.

Д. А. Ольдерогге обосновал генетическое родство языка хауса и языков некоторых народов, населяющих низовья рек Шари и Логоне горы Баучи, с языками семито-хамитской семьи.

Лукас указал на существование связей между языками группы кнури-теда и центральносуданскими (буте, гбайя, банда, занде и др.).

М. Брайан недавно высказала предположение, что наличие во многих языках народов Восточного Судана (вплоть до оз. Чад на западе) формантов *T/K* указывает, возможно, на существование языкового субстрата, роднящего эти языки.

Вспомним также, что Мюллер, Кюст, Омбюрже в разное время доказывали родство языка фульбе с нилотскими языками (нуба, масаи). И хотя их идеи не получили признания, предавать их забвению, на наш взгляд, не следует; как в каждой шутке есть доля правды, так и в самой фантастической гипотезе может быть здравая мысль, интересная идея.

И, наконец, семитические элементы в словаре фульбе.

Мы видим таким образом, что намечаются вполне реальные связи между языками самых различных языковых семей и групп, носители которых (т. е. языков) удалены в настоящее время друг от друга на многие тысячи километров. Проблема эта чрезвычайно сложна; исследования последнего десятилетия показали, как много спорного и неясного есть еще в вопросах классификации, установления родства или связей иного характера между языками Африки. Однако те факты, которыми располагают лингвисты, позволяют делать определенные обобщения. Для объяснения их одни ученые прибегают к конструированию древней нигритской культуры Судана (Вестерман), другие — к спасительной субстрату. Быть может, перед нами следы первобытной (верхнепалеолитической) языковой непрерывности? Оставим решать эти вопросы лингвистам. Мы же с большой долей уверенности можем говорить лишь о том, что ключ к их решению следует искать в Сахаре — в той самой Сахаре, которая, — это становится все яснее — была колыбелью многих народов Тропической Африки.

Данные, представленные за последние десятилетия геоморфологией, биологией, климатологией, археологией, неопровержимо свидетельствуют, что климат Сахары на протяжении многих тысячелетий благоприятствовал жизни человека. Руsla исчезнувших рек; остатки каменной индустрии, петроглифы и фрески — порой удивительно прекрасные творения рук человеческих; изображения и окаменевшие остатки таких же

⁸ T. Engeström, Указ. раб., стр. 11—17.

вотных, как слон, носорог, гиппопотам, жираф; остатки хвойного леса — все это говорит о том, что отнюдь не всегда Сахара была безжизненной пустыней.

Обычно принято считать, что Сахара пережила два влажных периода. Первый охватывал эпоху нижнего и среднего палеолита, на смену ему пришел длительный засушливый период, превративший Сахару в пустыню; второй падает на эпоху неолита. Однако некоторые геоморфологические наблюдения позволяют думать о более сложной эволюции. Во всяком случае, рисуя общую схему для интересующего нас периода, периода складывания расовых групп и языковых семей, можно говорить о засушливости в верхнем палеолите, значительном улучшении климатических условий на первых этапах неолита и новом их ухудшении приблизительно на рубеже четвертого и третьего тысячелетий до н. э., продолжающемся до наших дней. Находки неолитических стоянок вдали от современных источников воды, сделанные Даллони в Феццане (Восточная Сахара), Лотом в Ахаггаре (Центральная Сахара) и многие другие, подтверждают вывод об относительно влажном климате Сахары в эпоху неолита.

Резкое усиление засушливости наступило где-то в конце второго тысячелетия до н. э. С тех пор оно быстро прогрессировало. Во времена Геродота Ливия была уже безводной страной. Плиний, Страбон и другие древние авторы, не говоря уже об арабах средневековья, писали о Сахаре, как о страшной пустыне. Особенно увеличилась засушливость в последние столетия. Об этом свидетельствуют значительное обеднение флоры и фауны, сокращение или полное исчезновение пастбищ, высыхание колодезев; об этом говорят легенды берберов и туарегов.

Таков, вкратце, очерк изменения климатических условий в Сахаре в четвертичный период. Для наших дальнейших рассуждений следует еще сказать, что существует гипотеза, согласно которой нарастание засушливости в неолитическую эпоху шло с востока на запад. Мы можем привести следующие аргументы в пользу этой гипотезы. Во-первых, Ливийская пустыня (Восточная Сахара) издавна уже известна как самая суровая, самая безжизненная область Сахары. Во-вторых, так называемые «пути боевых колесниц» (датируемые первым и вторым тысячелетиями до н. э.), которые связывали Северную Африку с Суданом, проходят один через Центральную, другой — через Западную Сахару. Наконец, марокканские легенды говорят о том, что еще в первые века хиджры (т. е. в конце первого тысячелетия н. э.) пустыня не достигала Адрара, где брали свое начало две большие реки. Эти легенды подтверждаются многочисленными археологическими находками.

Что известно нам о населении Сахары и прилегающих районов Судана? Земли эти были обитаемы с древнейших времен; об этом говорят находки каменных орудий шелльской и ашельской эпох. Еще сравнительно недавно археологи говорили о разрыве между культурами среднего палеолита и неолита, вызванном резким усилением засушливости в период верхнего палеолита. Однако находки мезолитических стоянок, сходных с капсийской культурой средиземноморского побережья, сделанные Даллони в южном Феццане, Балу на плато Тадемаит и др.⁹, свидетельствуют о том, что даже в эту неблагоприятную для жизни эпоху люди не покинули Сахару; они сосредоточились у сохранившихся источников воды.

Мезолитические и ранне-неолитические культуры найдены также во многих местах Западного Судана. Что касается эпохи неолита (т. е. на-

⁹ Р. Капо-Рей, Французская Сахара, М., 1958, стр. 87.

чиная с шестого тысячелетия до н. э.), то совокупность собранных археологами фактов позволяет заключить, что Сахара была в это время довольно густо населена на всем ее протяжении. Охота по-прежнему оставалась одним из важных способов добывания пищи, это особенно характерно для ранних этапов неолита; но затем все большую роль играет земледелие, сочетавшееся с рыболовством, и кочевое скотоводство.

Расовый тип населения Сахары и соседних с ней районов в эпоху верхнего палеолита — неолита характеризуется широким распространением представителей большой негроидной и эфиопской рас и смешением их с людьми европеоидной расы. Этот тезис подтверждается многими фактами. «Асселярский» человек и «фитрийский» человек, которые оба относятся исследователями именно к этой эпохе, представляют собой смешанные типы, у которых негроидные черты сочетаются с европеоидными. О таком же расовом смешении среди неолитических обитателей Тамаяя — Меллет (Нигер) сообщает Л. Бриггс: «...черты, обычно ассоциируемые с различными расовыми типами, по крайней мере иногда, сочетаются в одном индивидууме»¹⁰.

Открытые А. Аркеллом хартумские негроиды, датируемые началом четвертого тысячелетия до н. э., свидетельствуют о том, что с этого времени (а возможно и раньше) в Восточном Судане жили негрские племена.

Племена, представлявшие эфиопский расовый тип, областью формирования которого была Восточная Африка, продвинулись на север вплоть до южной границы Египта уже в третьем тысячелетии до н. э. (об этом, в частности, говорят погребения в районе Аниба). Древние египтяне, в основе своей европеоиды, имели некоторые черты, свойственные эфиопской расе.

На севере мы имеем аналогичную картину. Верхнепалеолитические жители Мешта-аль-Арби и Афалу-бу-Руммель (районы, прилегающие к Средиземному морю), которых относят к древним европеоидам, характеризуются наличием некоторых негроидных черт. Смешение продолжается в следующую эпоху. Влияние негроидов прослеживается в Марокко на севере Алжира и Туниса, на юге Туниса¹¹.

То же самое наблюдается в Центральной Сахаре. Анри Лот, основываясь на наскальных изображениях, говорит о наличии среди скотоводческого населения Центральной Сахары (приблизительно с конца четвертого тысячелетия до н. э.) негроидов, европеоидов и представителей эфиопской расы. В предыдущую эпоху, по его предположению, Сахара была населена негроидами¹². К сожалению, до сих пор в Центральной Сахаре не найдено ни одного человеческого скелета интересующего нас времени.

Собрав все имеющиеся данные о расселении негроидов в неолитическую эпоху, Р. Мони, исследователь чрезвычайно добросовестный и не склонный к поспешным выводам, считает возможным утверждать, что оседлые негрские племена населяли Сахару вплоть до 20° северной широты (в настоящее время граница их расселения проходит по 15-й, коегде 17-й параллели). Что касается кочевых, полукочевых, а порой и оседлых групп, то они достигали 27-й параллели к северу от экватора¹³.

¹⁰ L. Cabbot Briggs, The Stone Age races of Northwest Africa, Cambridge, USA, 1955, стр. 76—77.

¹¹ Там же, стр. 77; Ш. А. Жюльен, История Северной Африки, т. I, М., 1961, стр. 61.

¹² А. Лот, В поисках фресок Тассили, М., 1962, стр. 47, 97, 99.

¹³ R. Mauny, Tableau géographique de l'Ouest Africain, Dakar, 1961, стр. 197—198.

Таким образом, в Сахаре, издревле населенной представителями почти всех имеющихся в Африке рас, и в прилегающих к ней районах скорее всего могли происходить процессы смешения различных расовых типов; процессы эти облегчались и ускорялись миграциями племен, столь характерными для первобытного общества с его преобладанием кочевого хозяйства (охотничьего, скотоводческого). Современная антропологическая карта Африки дает нам много примеров таких смешанных в расовом отношении групп. Хауса Нигерии; канури и канембу, проживающие неподалеку от оз. Чад; жители нагорья Тибести (тиббу) — пещерные эфиопы Геродота, довольно темнокожие уже в ту пору, но до сих пор причисляемые иногда к европеоидам, — все это народы, сочетающие в своем физическом облике черты, свойственные самым различным расовым типам. Характерные черты эфиопского типа отмечаются у многих современных народов нильской зоны, Северной Африки, Сахары и Судана, в основе своей европеоидов или негроидов. По-видимому, к этой группе относятся и фульбе, в основе своей (имеется в виду расовый тип) европеонды с явной эфиопской примесью, приобретшие за многие века (а скорее всего, тысячелетия) совместного проживания целый ряд негроидных черт.

Здесь, в Сахаре, складывались основы культурного родства африканских народов. Разве не примечателен тот факт, что в раннеолитической Сахаре, населенной многочисленными разноязыкими племенами, стиль наскальных изображений один и тот же (имеется в виду древнейший период) от западных нагорий до Красного моря? И разве не заставили находки последних лет целиком пересмотреть вопрос о египетском влиянии на культуру, искусство, верования народов Судана и Тропической Африки? Например, широко распространенный в Африке культ священного барана (у берберов Северной Африки; у мандинго, йоруба, бауле и др. народов Западного Судана, Гвинейского побережья, бассейна Конго) трактовался, как производный от египетского культа бога Амона, но изображения барана с солнечным диском на петроглифах и фресках Северной Африки и Сахары относятся к тому времени, когда бог Амон, по меткому выражению Г. Жермена, еще не родился. Очевидно, что и этот культ, и многие другие явления культуры, сходные у различных и в настоящее время весьма удаленных друг от друга народов, имеют общее и очень древнее происхождение. Разумеется, не приходится отрицать благотворного влияния египетской цивилизации на окружающие страны, в том числе Сахару; но также несомненно и то, что цивилизация долины Нила складывалась на основе, общей или близкородственной для других народов Африки, чье взаимное влияние она испытывала на протяжении тысячелетий.

Здесь же, в Сахаре, формировались основы того языкового родства, взаимовлияния или других отношений между языками, следы которых, иногда поражающие нас, наблюдаем мы сегодня. Идея о том, что Сахара была центром формирования семито-хамитской языковой семьи, получает все большее признание. Но в равной мере Сахара (в частности, ее центральные и западные районы) и прилегающие суданские районы могли быть областью, где формировались банту-бантоидные языки. Именно здесь в неолитическую эпоху могло сложиться языковое родство между предками сереров и фульбе, усилившееся затем в период обитания фульбе на крайнем западе Судана. Здесь же, в неолитической Сахаре складывались и более широкие связи между атлантической группой и другими языковыми общностями. Отсюда нетрудно объяснить и наличие некоторых семитических элементов в языке фульбе (если наблюдения Энгестрома подтвердятся).

Ухудшение климатических условий в Сахаре, наступившее в конце четвертого тысячелетия до н. э., а в восточных районах, вероятно, ранее, привело к значительным изменениям в характере и направлении миграции, что, в свою очередь, сказалось на этнических процессах. Как земледельческие, так и скотоводческие племена отходят (часть их, вероятно, еще раньше, в пятом тысячелетии) в районы, богатые водой: на север — к Средиземному морю, на восток и на юго-восток — к Нилу, на юг — к озеру Чад и реке Бахр эль-Газаль, ныне пересохшей. Это были народы

Рис. 4. «Девушки фульбе» (А. Лот, В поисках фресок Тассили, М., 1962)

семиито-хамитской языковой семьи, предки берберов, египтян, хауса. Но не все племена Сахары мигрировали в этих направлениях. Запад долго еще предоставлял людям хорошие пастбища и земли для посевов.

В западном и юго-западном направлениях и двигались племена земледельцев и скотоводов по мере усиления засушливости. Раньше других должны были уйти в суданские районы земледельческие негрские племена; скотоводы же долго еще кочевали в сахарских степях.

Мигрировавшие из Сахары народы приходили не на пустые места. И Судан, и бассейн Конго, и юг материка заселены были с древнейших времен. Лупембийская (Тумбийская) культура бассейна Конго датируется седьмым тысячелетием до н. э. Шестым — пятым тысячелетиями датируются культуры земледельцев, рыболовов и охотников долины

Нила (Дейр-Таса, Файюм). За много веков до нашей эры начала развиваться в междуречье Нигера — Бунуе так называемая «культура Нок». Древние цивилизации Судана и бассейна Конго складывались на основе взаимодействия, взаимопроникновения культур автохтонов и пришельцев.

Какое место в миграциях сахарских племен принадлежало фульбическим племенам? Каковы были пути, приведшие их в Мавританию? На эти вопросы, к сожалению, мы пока ответить не можем. Пастухи-скотоводы появляются в Центральной Сахаре в середине четвертого тысячелетия до н. э.; их происхождение с Верхнего Нила доказывается, по мнению Лота, рисунками египетской лодки со знаками номов; однако неизвестны как время выполнения этих рисунков, так и их авторы (возможно, это были пленники-египтяне). Намечаемый Лотом маршрут скотоводов через Тибести, восточный Тассили, Хоггар, Адрар-Ифорас, вполне вероятен. Но этническая принадлежность этих пастухов нам не известна; они представляли разные расовые типы, разные племена — это

видно по фрескам. Были ли среди них предки фульбе? Лот отвечает утвердительно, приводя следующие аргументы в пользу своей гипотезы¹⁴.

Среди изображенных на фресках пастухов преобладает эфиопский тип; сцены танцев посреди стад, культ быка напоминают религиозные обряды суданских пастухов-фульбе. Воспроизведенные в наскальных росписях быки относятся к двум породам — *Bos aŕgicapus* (длиннорогий африканский бык) и *Bos brachyceros* (короткорогий бык), которые и сегодня можно встретить в стадах фульбе (чаще всего скрещенные с горбатым быком — зебу). Лот указывает также на совпадение таких этнографических деталей, как форма лука, жилища пастухов (полусферические хижины), покрой одежды (окутывающее платье у женщин, короткая туника у мужчин), головные уборы «в форме шлема или сахарной головы», напоминающие прически современных женщин фульбе из Масины.

О малодоказательности этих наблюдений говорил уже Д. А. Ольдерогге в своем предисловии к русскому изданию книги Лота. Действительно, трудно допустить, чтобы женская прическа не изменилась за 4—5 тысячелетий! Наблюдения относительно пород скота свидетельствуют лишь о том, что фульбе — типично африканские скотоводы.

Другие же сходные явления, на которые указывает Лот (даже если отвлечься от того, что большая часть изображений весьма схематична), скорее всего имеют конвергентный характер; жилища полусферической формы можно встретить, к примеру, у тедда (тиббу) плато Эннеди. В одном месте Лот, отмечая развитый эстетический вкус фульбе, который проявляется в женских прическах, украшениях и т. п., заявляет, что это «дополнительный штрих, указывающий на их нубо-эфиопское происхождение». Как будто то же самое нельзя сказать о любом другом народе Африки!

* * *

Итак, «загадка» фульбе по-прежнему остается во многом еще загадкой. При желании эту проблему вполне можно сравнить со сложной математической системой, в которой неизвестных гораздо больше, чем заданных величин. Да, действительно, на сегодняшний день всевозможных догадок и гипотез относительно происхождения фульбе есть, пожалуй, больше, чем доброкачественных фактов. И потому нужны новые исследования. Нужны новые факты. Но нужны также и новые плодотворные гипотезы. Ибо гипотеза является двигателем научного поиска.

¹⁴ А. Лот, Указ. раб., стр. 47, 99, 127, 129—130, 134.